

Элатик Ахмед Атийях

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВВОДНЫХ И ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОЗЕ Б. АКУНИНА

В статье проанализирована система вводных и вставных конструкций, которые использует Б. Акунин в текстах своих художественных произведений. Обращается внимание на структурно-семантическое разнообразие данных синтаксических средств и их роль в реализации в тексте художественного замысла писателя. Особенно разнообразны функции вставных конструкций, которые конкретизируют представление о предмете, персонаже, действии; служат для выражения экспрессии и оценки; актуализируют тот или иной элемент высказывания; экономят пространство текста и подобное. Вводные и вставные конструкции также выполняют специфические для детективного текста цели: передают мыслительный процесс детектива, вовлекают в расследование читателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 173-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. **Словарь лесных терминов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wood.ru/ru/ster12.html> (дата обращения: 02.03.2017).
12. **Щитов А. Г., Нгуен Т. А.** Модель преподавания профессионального русского языка в международном образовании (на материале терминов природопользования) [Электронный ресурс] // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения: сборник трудов международной научно-практической конференции (г. Томск, 26-27 октября 2016 г.). Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2016. С. 84-91. URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/36028> (дата обращения: 22.02.2017).
13. **Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A., Nguyen T. Lan.** Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions [Электронный ресурс] // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 107-111. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059376> (дата обращения: 22.03.2017).
14. **Shchitov A. G., Shchitova D. A., Stasinska P., Doan T. C. C.** Features of the Learning Modular System Moodle Use in Teaching the Russian Language to Russian and Foreign Students at the Higher Education [Электронный ресурс] // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 170-175. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059686> (дата обращения: 22.02.2017).

MOTIVATION OF TERMS OF FOREST USE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Shchitova Ol'ga Grigor'evna, Doctor in Philology
Shchitov Aleksandr Grigor'evich, Ph. D. in Pedagogy
Nguyen Thi Anh

Tomsk Polytechnic University
shchitova2010@mail.ru; shchitov@tpu.ru; nguyenanh061292@gmail.com

The article considers the motivation of forest use terms in the Russian legislative discourse. The material for the study is the text of "The Forest Code of the Russian Federation" and data from lexicographic sources. The groups of terms of forest use are identified in accordance with such types of motivation as imagery, categorial nature, systematic character, definitive nature and also false-motivated and unmotivated terms.

Key words and phrases: term; terminological system of forest use; motivation of term; imagery; categorial nature; systematic character; definitive nature.

УДК 811.161.1

В статье проанализирована система вводных и вставных конструкций, которые использует Б. Акунин в текстах своих художественных произведений. Обращается внимание на структурно-семантическое разномыслие данных синтаксических средств и их роль в реализации в тексте художественного замысла писателя. Особенно разнообразны функции вставных конструкций, которые конкретизируют представление о предмете, персонаже, действии; служат для выражения экспрессии и оценки; актуализируют тот или иной элемент высказывания; экономят пространство текста и подобное. Вводные и вставные конструкции также выполняют специфические для детективного текста цели: передают мыслительный процесс детектива, вовлекают в расследование читателя.

Ключевые слова и фразы: вводные слова; вводные конструкции; вставные конструкции; синтаксис; Борис Акунин.

Элатик Ахмед Атийях, к. филол. н.
Университет «Айн-Шамс», г. Каир, Арабская республика Египет
ahmed_atik@yahoo.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВВОДНЫХ И ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОЗЕ Б. АКУНИНА

Интерес современной лингвистики к анализу синтаксических явлений, выступающих как отражение в письменном тексте стихии живой разговорной речи, связан с прагматическим подходом к языку, согласно которому он рассматривается как средство достижения говорящим собственных целей, и, шире, – с антропоцентрическим подходом, то есть со стремлением учёных увидеть в языке человека говорящего языковую личность со свойственным ей набором речевых средств и определить интенции языковой личности при выборе того или иного языкового средства. В частности, важно рассмотреть синтаксические особенности художественного текста, воплощающего как общеязыковые тенденции, так и черты языковой личности автора.

Вводные и вставные конструкции представляют собой особый элемент осложнения синтаксической структуры простого предложения, используемый с целью «актуализации индивидуально-авторских комментариев» [20, с. 6], то есть выступающий как средство репрезентации в тексте автора (повествователя, рассказчика) и связи его с читателем. Большая часть вводных и практически все вставные конструкции относятся к необязательным синтаксическим элементам, то есть использование их полностью зависит от намерений

автора, от его желания выразить тот или иной смысл, эмоцию, от стремления воздействовать на читателя. Вводные и вставные конструкции (слова, сочетания, предложения) являются индивидуально-авторским средством построения текста и тем интересны для исследователя.

Предметом нашего рассмотрения не является разграничение вводных и вставных конструкций и точная теоретическая характеристика каждого из этих синтаксических явлений, однако краткое разъяснение данного вопроса необходимо. Мы принимаем за основу в данном случае точку зрения О. С. Ахмановой, согласно которой вводное предложение представляет собой «предложение, вставленное в другое предложение, но не связанное грамматически ни с одним из его членов» [4, с. 72], а вставное предложение – это «предложение, вставленное в другое предложение и, в отличие от вводного, характеризующееся наличием синтаксической связи с тем или иным членом первого предложения или со всем предложением в целом» [Там же, с. 89-90]. Попытки уточнить данные критерии разграничения предпринимаются исследователями постоянно. Критериями могут выступать семантические отличия: «Вводные слова, словосочетания и предложения выражают субъективное отношение говорящего к факту сообщения, а вставные конструкции – сообщение им дополнительных сведений» [19, с. 360]. Е. В. Севрюгина подходит к вопросу с логической точки зрения: «Вводные компоненты появляются в сознании субъекта речи до формирования мысли, вставки появляются в процессе мысли» [23, с. 325]. Нам близок подход, согласно которому вводные и вставные конструкции хотя и разграничиваются, но рассматриваются как «элементы, сосуществующие в единой синтаксической системе» [19, с. 360]. Доказывают данную точку зрения О. А. Колыхалова [13], О. С. Панкрашова [19], А. И. Студнева [24] и другие исследователи.

Для современной лингвистики актуальным является вопрос о роли, функциях того или иного языкового элемента в тексте, особенно в художественном тексте, об интенциях автора при выборе слова, словоформы или построении той или иной синтаксической конструкции. В числе единиц разных языковых уровней разрабатываются в данном направлении и синтаксические единицы, то есть изучается «смысловое, стилистическое использование единиц синтаксического уровня языка» [16]. В качестве стилистических элементов исследуются в том числе вводные и вставные конструкции. Л. В. Баранчикова рассматривает в кандидатской диссертации функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина [5]. М. Н. Кулаковский называет вводные конструкции элементом экспрессивного синтаксиса и исследует их как средство создания комического в произведениях М. М. Зощенко, А. Т. Аверченко, М. А. Булгакова и других представителей русской литературы первой половины XX века [18]. Л. П. Водясова анализирует вводные конструкции как средство создания связности текста в прозе К. Г. Абрамова [8], А. А. Водяха – вставные конструкции как способ выражения эмоций на материале русской литературы [9].

Материалом исследования становятся не только произведения художественной литературы. Н. И. Белунова и А. Б. Черняева анализируют функции высказываний с вводными словами и вводными конструкциями в тексте дружеского письма [7]; Е. В. Кобец рассматривает вводные и вставные конструкции в политическом дискурсе с точки зрения выражения с их помощью мысли и эмоций [12]; В. В. Шигуров и И. В. Боярова обращают внимание на вводные конструкции в публицистике, в медиатекстах [26]. К. В. Прохорова и П. В. Аполлонова анализируют вставные конструкции в научно-учебных текстах и утверждают, что здесь они выступают как средства диалогизации [22]. Нам представляется наиболее интересным рассмотреть использование вводных и вставных конструкций в тексте художественного произведения, язык которого в наибольшей мере отражает особенности языковой личности создающего текст субъекта.

Творчество Бориса Акунина занимает особое место в системе современной российской художественной литературы. Большинство исследователей отмечают художественное мастерство автора, прекрасное владение русским языком, умение создавать языковую атмосферу произведения, воздействовать на читателя. Г. Чжэн пишет: «Живой характер повествования, интересные сюжеты в сочетании с хорошей стилистикой в духе русской классики позволяют уже сегодня предположить, что творчество Б. Акунина войдёт в золотой фонд русской беллетристики» [25, с. 195]. Мы не можем не согласиться с этим утверждением.

Хотя язык произведений Б. Акунина периодически становится предметом внимания лингвистов, эти исследования касаются в основном лексики и морфологии, к примеру, особенностей использования автором имён прилагательных для создания портретных характеристик персонажей [11]; интертекстуальных связей с другими текстами, или «интертекстуальных игр» [21] и под. Синтаксические особенности произведений писателя лингвисты освещают редко, хотя на этом уровне можно отметить значительное количество интересных языковых и художественных явлений, к числу которых относятся и вводные и вставные слова, сочетания, предложения. Рассматривая синтаксическую организацию текстов Б. Акунина, учёные не могут не затрагивать роли того или иного синтаксического элемента в стилистике писателя, в организации воздействия на читателя. Г. Чжэн, анализируя многокомпонентное сложное высказывание (МСВ) на материале романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог», отмечает: «С помощью МСВ, оптимальных по объёму, автор создаёт текст, стилизованный под произведение русской литературы классического периода, синтаксически достаточно сложный и одновременно доступный для восприятия современного читателя» [25, с. 195]. И. А. Вороновская, рассматривая порядок слов в авторской речи писателя, говорит о «многообразии экспрессивных возможностей порядка слов и о его значительной роли в индивидуальной авторской манере Б. Акунина» [10, с. 45]. Синтаксическую стилистику прозы Б. Акунина, использование им со стилистической целью парцелированных конструкций, рядов однородных членов предложения, инверсии, эллипсиса, номинативных предложений рассматривает М. Н. Крылова, однако вводные и вставные конструкции она не называет в числе актуальных для стиля автора синтаксических элементов, возможно, потому, что ограничивается

в качестве материала для исследования повестью «Звездуха» из серии Б. Акунина «История Российского государства» [17]. М. Н. Крыловой принадлежат также некоторые ценные замечания относительно вставных конструкций Б. Акунина, сделанные в рамках изучения его пунктуации [16]. Тем не менее многие вопросы синтаксиса произведений Б. Акунина пока остаются неисследованными.

Цель данной статьи – рассмотреть вводные и вставные конструкции (слова, сочетания слов, предложения) в текстах произведений Б. Акунина, выявить их структурно-семантические особенности и роль (функции) в тексте. В качестве материала для исследования были выбраны тексты беллетристических произведений автора: роман «Алмазная колесница» (2003) из цикла «Новый детектив (приключения Эраста Фандорина)», роман «Пелагия и белый бульдог» (2000) из цикла «Провинциальный детектив (приключения сестры Пелагии)», а также более позднее произведение – сборник «Вдовый плат» (роман «Вдовый плат» и повесть «Знак Каина») (2016) из цикла «История Российского государства». Последний источник отличается от двух первых жанровой спецификой: если первые представляют собой детективы, то это – исторические произведения. При этом детективные романы являются повествованиями о событиях, произошедших в XIX веке, а значит, также имеют исторический характер.

Вводные слова и их группы по значению рассматривались нами с опорой на Большой энциклопедический словарь «Языкознание» [15]. Основная группа вводных слов, словосочетаний и предложений по значению – единицы с модальной семантикой, указывающие на реальность/нереальность того, о чём сообщается в предложении. Среди модальных смыслов выделяются значения уверенности, неуверенности, возможности, предположения и т.п. Вводные конструкции данной группы (чаще всего слова и сочетания *конечно, очевидно, наверное, возможно, может быть, должно быть, кажется*) активно используются Б. Акуниным, как правило, в рамках тех значений и в структуре тех конструкций, которые предусмотрены общеязыковыми нормами: «*Дверь немедленно захлопнулась, очевидно, приведённая в действие невидимой пружиной*» [1, с. 210].

Однако можно отметить случаи, когда привычное слово или выражение приобретает в тексте дополнительные оттенки значения. К примеру, вводное слово *конечно*, указывающее в языке на уверенность говорящего в достоверности информации, может обозначать уступку: «*Находились, конечно, и такие, кто втихомолку корил преосвященного за сибаритские привычки и приверженность к пышности*» [3, с. 6]. Имеется в виду: несмотря на все положительные качества епископа Митрофания, кто-то находил возможным осуждать его. Значение уверенности практически нивелируется, наоборот, автор стремится создать у читателя ощущение, что тех, кто говорил о Митрофании недоброе, совсем немного. Семантика уступки при употреблении вводного слова *конечно* встречается у Б. Акунина регулярно: «*Вот он предо мною, мой Град Небесный. Конечно, не тот, из Откровения, у коего стена из ясписа, а сам он чистое золото и стекло...*» [2, с. 241].

Можно даже заметить, что вводные модальные элементы, которые однозначны и не допускают варьирования модальной семантики, не привлекают автора. К примеру, он очень редко использует в качестве вводных слова и сочетания *несомненно, безусловно, действительно, по всей вероятности, не правда ли, в сущности*; не прибегает к словам и оборотам *бесспорно, без всякого сомнения, само собой разумеется, по видимому*. Налицо наличие авторских предпочтений при выборе вводного слова или сочетания.

С помощью вводных слов модальной семантики писатель может изображать мыслительный процесс героев, их размышления о наблюдаемых странных и загадочных событиях. Особенно ярко выражено такое значение, если используется несколько вводных слов последовательно: «*То есть, конечно, со стороны всё это может показаться и даже, наверное, не может не показаться в высшей степени подозрительным...*» [3, с. 123].

Стилизация языка классических произведений, характерная для Б. Акунина, который создаёт в анализируемых романах и повестях тексты исторического типа, требует от него использования вводных элементов с устаревшей окраской: «*Что это вы, господа, там разглядываете? Верно, какой-нибудь шедевр?*» [Там же, с. 177], «*А это, должно быть, тот самый помощник, которого вы ждали с таким нетерпением*» [1, с. 259], «*Им, надо полагать, и главная выгода от завещания*» [3, с. 62], «*Тётяшка ещё лет десять проживёт, а Бог даст, и пятнадцать*» [Там же, с. 121]. Вводные слова такого типа становятся одним из средств стилизации, являющейся важной частью творческой манеры писателя.

Вторая группа вводных конструкций – эмоционально-оценочные единицы, выражающие чувства говорящего. Они вносят в текст различные эмоциональные оттенки, например, опасение: «*Боюсь, мои девки из-за него раздумают перевоспитываться!*» [1, с. 259]; сожаление: «*К сожалению, сын мой, Константин Петрович беседует с государем куда чаще, чем раз в месяц*» [3, с. 159], удивление: «*К удивлению Фандорина, или без привала*» [1, с. 597] и др.

Б. Акунин не использует или использует очень редко такие распространённые в языке вводные элементы с семантикой эмоций, как *к счастью, к несчастью, к радости, к огорчению, к ужасу, к стыду* и др. Среди слов и сочетаний данной группы его также привлекают те, которым свойственен оттенок устарелости: «*По счастью, долго ждать не пришлось – поезд прибыл минута в минуту*» [Там же, с. 85]. Помимо значения устарелости, вводные слова и сочетания с семантикой эмоций могут иметь разговорную окраску, например, выражая удивление говорящего: «*Вдоль мостов, ишь ты, посажены ветлы*» [2, с. 26].

Две группы вводных слов и выражений связаны с отражением в тексте мыслительной деятельности, способов и приёмов выражения мысли (*так сказать, короче* и др.) и хода мысли (*во-первых, следовательно, наоборот* и под.). Б. Акунин достаточно часто обращается к словам данного типа. Можно даже сказать, что они играют особую роль в его текстах, особенно в детективных романах «Алмазная колесница» и «Пелагия и белый бульдог». Для моделирования умозаключений действующих в этих произведениях детективов,

Эраста Петровича Фандорина и монахини Пелагии соответственно, вводные элементы, отражающие движение мысли, рассуждение и выводы, являются незаменимыми. Умело вставленные в текст, они имитируют мыслительный поиск сыщиков, включающий постановку проблемы, этапы её решения и выводы, и читатель рассуждает вместе с ними, постепенно подходя к отгадке таинственных событий: «*Посветив лучице, увидел, что крест не привешен и не вбит, а как бы немного утоплен в стене. Странно! Значит, для него сделана специальная выемка?*» [1, с. 470]. Востребован Б. Акуниным большой набор слов и выражений данных групп: *значит, итак, напротив, наоборот, например, впрочем, кстати, кстати говоря, во-первых, во-вторых, с одной стороны, с другой стороны, судя по всему* и др. Реже применяет или совсем не использует автор лишь некоторые единицы: *следовательно, в частности* и др. В числе активно употребляемых писателем слов и выражений – устаревшие: «*Так-так. Стало быть, Олферий через тебя узнаёт, что в Кремле делается*» [2, с. 33].

Следующая группа – вводные слова, указывающие на источник информации, – для Б. Акунина также важна именно в детективных романах, где информация является целью сыщика, раскрывающего произведение. Именно поэтому автором востребованы не те единицы данной группы, в которых не указан конкретный источник сообщения (*говорят, по слухам*), а те, в которых источник назван вполне определённо: «*Как говорят у вас в полиции, почерк преступника совпадает*» [1, с. 332], «*По словам Онокоджи, новоиспеченный интендант полиции принял участие в заговоре против великого реформатора, потому что затаял обиду...*» [Там же, с. 455]. Применение данных единиц придаёт описанию хода расследования достоверность, столь важную для произведений данного жанра.

Слова и выражения, служащие для установления контакта с собеседником (ещё одна группа вводных элементов по значению), являются компонентом диалогической речи. С их помощью говорящий привлекает внимание к тому, о чём сообщает, указывает на важность сообщения для собеседника. Нередко их использование Б. Акуниным также связано с детективной спецификой текстов писателя: «*Видите ли, содержание моей папочки таково, что я не осмелился упорствовать*» [Там же, с. 458]. Кроме того, слова данного типа могут употребляться для создания образа персонажа: «*Я, знаете ли, немец. Для меня закон есть закон*» [3, с. 145]. Б. Акунин пользуется в данном случае весьма ограниченным набором слов и выражений, невостребованными оказываются вводные конструкции: *поймите, поверьте, вообразите, представьте себе, скажите на милость* и др.

Использование вводных слов и сочетаний более активно в детективных текстах Б. Акунина [1; 3], где с их помощью моделируются рассуждения героев о причинах произошедшего, о возможных виновниках и подозреваемых в преступлениях. Вынесение мыслительного процесса, оформляемого, в числе прочего, с помощью вводных слов, на суд читателей способствует привлечению к размышлению самих читателей, делает их соучастниками событий, а значит, повышает степень воздействия детективного текста на читателя. В историческом повествовании [2] вводные слова используются автором значительно реже. При этом каждый раз введение их в текст связано с выражением какого-то авторского намерения. К примеру, при знакомстве с новым героем, Захаром, в романе «Вдовый плат» автор выбирает приём постепенного введения в текст информации о персонаже. Этот приём эффективен с точки зрения воздействия на читателей: они заинтересовываются героем, хотят разобраться в его характере и предугадать его роль в дальнейшем повествовании. В этом случае одним из языковых средств, к которым прибегает писатель, становятся модальные вводные слова с семантикой предположения: «*Видно, ночевать под открытым небом, на холоду, востроносому Захарке было не в диковину*» [Там же, с. 22]; «*Светало поздно, но стольничий отрок, кажется, куда и не спешил*» [Там же]. С помощью вводных слов писателем моделируется ситуация неопределённости и организуется постепенное знакомство читателя с героем. Читателю предлагается самому догадываться о побуждениях и намерениях персонажа, о котором пока ещё очень мало известно. Естественно, что позже, когда знакомство с героем уже закончено, использование вводных слов прекращается.

В историческом повествовании могут встречаться и вводные слова с семантикой, характерной, как было сказано выше, преимущественно для детективного текста, – указывающие на связь мыслей: «*На Федоровской в этот утренний час было людно, своеземцы и смерды ехали на рынок торговать всякой деревенской всячиной, горожане, наоборот, или за покупками или просто поглазеть*» [Там же, с. 25]. Вводное слово является здесь важным элементом описания Новгорода – города, где будут происходить все основные события романа. Автору необходимо точно изобразить Новгород – сцену прошедших и будущих битв за власть – контрастным, полным противоречий, и вводное слово *наоборот* является адекватным этой цели.

Вводные предложения встречаются в языке произведений Б. Акунина реже вводных слов и сочетаний, что соответствует общезыковой закономерности. Это чаще всего предложения, указывающие на источник информации: «*Я слышал, любезная Людмила Платоновна, вы сильно благотворительностью увлекаетесь?*» [3, с. 42] (соответствует вводному слову *говорят*); «*Но постойте, ведь, насколько я помню, Момоти Тамба жил триста лет назад!*» [1, с. 590] (соответствует слову *по-моему*). Они присоединяются к основной части предложения бессоюзно (как в примерах выше) или с помощью союзов (союзных слов): «*Как говорят у вас в полиции, почерк преступника совпадает*» [Там же, с. 332]. Реже встречаются предложения с модальным значением, оценивающие достоверность или сомнительность сообщения, предположение: «*Мне кажется, у нас немало общего*» [Там же, с. 481]. Стилистические особенности, семантика и функции вводных предложений в тексте Б. Акунина не имеют значительных отличий от данных вводных слов и сочетаний.

Итак, анализ основных используемых Б. Акуниным вводных слов, сочетаний и предложений показывает, что они играют определённую роль в тексте писателя: служат для выражения специфики детективного

повествования, участвуют (устаревшие единицы) в стилизации исторического текста. Вводные слова наполняют текст автора экспрессивностью, приближают диалогические элементы текста к стихии разговорной речи. Писатель избирателен в формировании собственного массива вводных слов и выражений, он использует далеко не все единицы такого плана, существующие в языке.

Центральная роль **вставных конструкций** в прозе Б. Акунина соответствует оценке их использования лингвистами в любом тексте – они «являются добавочными сообщениями, попутными замечаниями, поправками к основному тексту» [9, с. 41]. При этом чаще всего вставная конструкция выделяется автором пунктуационным знаком «скобки»: *«Доехав на извозчике до центра города, далее он перемещался исключительно пешком и, несмотря на хромоту (штабс-капитан заметно привлекавал правую ногу), успел посетить невероятное количество мест»* [1, с. 4]. В данном примере вставная конструкция служит изобразительным целям в экспозиции романа и помогает писателю познакомить читателя с одним из главных героев в начале произведения.

Особенность использования знака «тире» при употреблении вставных конструкций определяется меньшей степенью графического выделения вставного элемента. Тире является активным знаком препинания, встречается в тексте намного чаще, чем скобки, и может иметь несколько распространённых применений: между подлежащим и сказуемым в простом предложении, для отделения обобщающего слова при однородных членах, при оформлении диалога, между частями бессоюзного сложного предложения и под. Кроме того, тире является очень распространённым авторским знаком препинания, выступая при этом как «средство осложнения структуры и семантики синтаксических единиц, результатом чего является трансформация синтаксических конструкций и их семантическая диффузность» [27, с. 93]. Каждое использование тире связано с выделением с его помощью какого-либо компонента предложения, с паузой в речи. В этой связи постановка тире при вставных конструкциях является лишь одним из возможных способов употребления данного знака, что снижает его эффективность. Например: *«Когда дыхание спящего стало ровным и глубоким, из-за свисающей материи – той, что давеча шелохнулась, – выскользнула зелёная тень, шмыгнула вглубь дома»* [2, с. 19]. Здесь вставное предложение сложно отличить от придаточного определительного, тем более что для вставных конструкций характерна грамматическая связь с основной частью предложения. Целью использования вставной конструкции является желание автора намекнуть на упомянутое ранее обстоятельство и разъяснить происходящее для тех читателей, кто на это обстоятельство внимания в своё время не обратил. Вставное предложение используется для связи разных элементов текста, выражает стремление автора объяснить ситуацию.

В отличие от вводных слов и предложений, вставные конструкции связаны с основным высказыванием семантически и грамматически. Чаще всего их можно преобразовать в какой-либо член предложения. К примеру, в предложении *«Тот уж и сам бежал от дома, стряхивая с бороды крошки (время было завтрашнее)»* [Там же, с. 9] вставочная конструкция может быть трансформирована в придаточную часть причины с добавлением союза *так как* и постановкой запятой или в часть бессоюзного сложного предложения с постановкой двоеточия. В приведённом примере вставное предложение не только содержит добавочную информацию, но и придаёт сообщению достоверность, служит установлению коммуникативного взаимодействия писателя и читателя, начиная с первой страницы книги. Иногда преобразования даже не требуется, так как конструкция уже оформлена как член простого предложения (второстепенный, обособленный, уточняющий) или как придаточная часть сложного предложения и отличается только пунктуационным оформлением: *«Однако строчка (из «Послания святого апостола Павла к Феликсийцам») выпала явно не случайная...»* [3, с. 25]. В этом случае особенно очевидно то, что моделирование вставного предложения является авторским языковым приёмом; автор выбирает такое оформление добавочного элемента, исходя из собственных представлений о целесообразности, стилистической, художественной и эстетической.

В качестве добавочной информации, передаваемой вставной конструкцией, регулярно выступает причина действия или состояния, указанного в основной части предложения: *«Подле государя была почтительная пустота, лишь за спиной стояли двое рынд, да сидел на своём калечном кресле наместник Борисов (у него по убеждению было на то от владыки благословение)»* [2, с. 82]. Именно разъяснение причин событий и побуждений героев часто является целью автора, а выбор при этом вставной конструкции позволяет указать причину как бы невзначай, в виде пришедшего в голову в момент речи замечания, что смягчает категоричность информации.

Вообще желание снизить категоричность высказывания нередко побуждает автора к введению в текст вставных конструкций. Они могут иметь в этом случае значение уступки: *«Всё было устроено в точности, как во время злосчастного суаре, даже с закусками и вином (хоть, конечно, и не шампанским, потому что это уже было бы перебором)»* [3, с. 197]. Впрочем, нередко отмечается и повышение категоричности высказывания с помощью вставной конструкции: *«Мундир по-прежнему сидел на нем мешковато (после ночных приключений он ещё больше истрепался)»* [1, с. 44].

Добавочную информацию может также представить описательная вставка, содержащая пояснение, уточнение информации, данной в основной части предложения: *«Про длинную пологую горку, будто оплешивевшую – она была понизу лесиста, но с голой макушкой – Настасьё говорили, что оттуда... можно увидеть всю Москву»* [2, с. 214]. Здесь вставное предложение аналогично по значению определительному придаточному, но содержит в своей семантике и оттенок причины. С помощью вставных конструкций конкретизируются и индивидуализируются, наполняются деталями описания внешности персонажа: *«Причесал чёрные с проседью (про такие говорят “перец с солью”) волосы...»* [1, с. 28].

Кроме того, вставные предложения у Б. Акунина служат активизации внимания читателя, вызывают интерес к определённому элементу текста, оформленному для этого как вставное предложение: *«Григориева*

(она была здесь единственной женщиной) встала далеко от возвышения» [2, с. 90]. Писатель ещё раз указывает на особое положение своей героини, Настасьи Григорьевой, в социальном устройстве новгородского общества. Можно предположить, что взгляды всех присутствующих на собрании будут направлены на Григорьеву – единственную женщину среди собранных по приказу великого князя новгородцев. Аналогично и вставная конструкция с соответствующей информацией притягивает взгляд читателя, благодаря своему выделению знаком «скобки», а также семантическому и интонационному акцентированию.

Можно отметить тесную связь вставных конструкций с сюжетной линией произведений, их участие в создании автором тех или иных сюжетных ходов. Например, в наиболее острый момент сюжета романа «Вдовий плат», когда автору необходимо было передать быстроту действий главной героини, Настасьи Григорьевой, родные которой были захвачены врагами, и её лихорадочную спешку по организации преследования, Б. Акунин вводит два вставных предложения в структуру одного небольшого основного предложения: *«Там был Шкирята – кто-то дал ему кафтан – и ещё семеро (значит, нашли во дворе ещё только одного, годного к бою, эх!)»* [Там же, с. 193]. Представить себе более насыщенную вставочными элементами конструкцию сложно. Одно предложение введено в середину основного высказывания и выделено тире; второе, в которое, кстати, добавлено вводное слово, расположено в конце предложения и выделено скобками. Вставочные элементы преобладают над основными, «нависают» над ними, но не вытесняют. Создаётся впечатление скорости действий и быстроты мыслей главной героини, глазами которой мы видим в этот момент происходящее. Благодаря предложениям подобного типа мы понимаем, какую большую роль отводит вводным и в особенности вставным конструкциям Б. Акунин при построении текста, в том числе в наиболее напряжённые моменты повествования.

Есть связь использования вставных конструкций и с детективной линией двух из рассматриваемых нами литературных источников. Вставные предложения помогают автору передать выводы наблюдателя-детектива об увиденном им. В этом случае в основной части предложения содержится наблюдение, а вставка представляет собой вывод из этого наблюдения, говорящий о проницательности наблюдателя: *«У Ширяева на щеке багровела двойная царапина (не иначе – след ногтей), у Аркадия Сергеевича под правым глазом белела пудра»* [3, с. 100]. Могут передаваться также размышления сыщика, стремящегося разобраться в том, что произошло: *«Зачем заходил к Дерганому – по делу или, может, по ошибке (пробыл-то всего четыре минуты)?»* [1, с. 15], а также предположения ведущего расследование персонажа: *«Отсюда и мое предположение (собственно, и не предположение даже, но полнейшая уверенность), что Шишига к зытякам уже приплыл, и при этом чертовски голоден»* [3, с. 101]. Имитируется скорость мысли сыщика, экономится пространство текста. Жанр детектива требует от писателя применения особых языковых средств, призванных имитировать мыслительный процесс персонажа, демонстрировать читателю этапы размышления, скорость мысли и выводы сыщика, вовлекая его при этом в совместные с детективом раздумья. Как видим, вводные и вставные конструкции играют в системе языковых средств Б. Акунина, используемых с данной целью, немаловажную роль. Хочется отметить, что язык детектива очень редко становится объектом внимания лингвистов [14], а современные публикации по данному вопросу вообще отсутствуют. Тем не менее у исследования языка детективов, являющихся значимой частью современной российской художественной литературы, имеются богатые перспективы. Необходимо выяснить специфику детективного текста и его особенности на разных языковых уровнях. Уже сегодня можно с уверенностью заявить, что на синтаксическом уровне одной из ярких черт детективного текста является использование вводных и вставных конструкций.

Особенно интересны примеры, в которых вставные конструкции, несмотря на дополнительный характер содержащегося в них сообщения, передают информацию, иногда более важную для понимания текста, чем информация, изложенная в основной части предложения. Например: *«...взглянул на свои наручные часы с сияющим, словно зеркальце, стеклом (все тысячу раз слышали историю этого хронометра, якобы подаренного пленным японским маркизом) и ужасно заторопился»* [1, с. 6]. С помощью вставочного предложения писателю удаётся не только передать очень точную деталь поведения героя, но и конкретизировать отношение к нему окружающих: они знают о неумной болтливости персонажа, и один его взгляд на часы заставляет их вспомнить «тысячу раз» слышанную историю.

Вставное предложение может содержать оценку действий или персонажей, о которых говорится в основной части предложения: *«Староста семенит за быстро шагающим по горницам хвостатым (шапку не снял, ирод, на икону не перекрестился)»* [2, с. 9]. Это также тот случай использования данных конструкций, когда содержащаяся в них информация важнее, чем основное сообщение. С помощью вставного предложения автор передаёт отношение к персонажу со стороны окружающих, не упомянутых в предложении, но подразумеваемых. Для Б. Акунина характерно использование вставных конструкций, выражающих отношение к внешности и поступкам описываемых персонажей, которое экономит пространство текста: *«Если кто из слуг отравился объедками с великокняжеского стола (бывало, потихоньку суют в рот – за всеми не уследишь), то это дело страшное, изменное!»* [Там же, с. 20]. Данную мысль можно было бы выразить более ожидаемым, традиционным способом – с помощью диалогической реплики. Но такое оформление расчленило бы сообщение на несколько абзацев. То есть автором с помощью вставного предложения в данном случае усиливается динамичность повествования и достигается такое коммуникативное качество речи, как лаконизм, краткость.

По месту включения элемента в основное предложение отличие вставных конструкций от вводных заключается в невозможности их расположения в начале предложения. Зато они могут занимать позицию между предложениями и становятся особенно эффективными в конце абзаца, выполняя завершающую

функцию. В произведениях Б. Акунина преобладают вставные конструкции, введённые в середину предложения. Реже наблюдаются вставные элементы, помещённые между предложениями, на их границе. Такую особенность отмечает М. Н. Крылова: «Предложения со скобками вставляются Б. Акуниным не только в середину другого предложения, но и после предложения» [16]. Рассмотрим пример: *«Надо думать, что Мурад одобрял выбор господина – кажется, даже больше, чем сам господин. (Это тонкое замечание вызвало полное сочувствие у женской части аудитории.) Господин Спасенный поведал мне, что рассказал Черкесу о скандале, приключившемся на вернисаже...»* [3, с. 263]. Вставное предложение воспринимается как полностью обособленный элемент текста. Интонация прерывания основной мысли в таком случае становится менее выраженной. В приведённом примере вставное предложение прерывает монолог героя и является комментарием относительно реакции аудитории на одну из высказанных мыслей. Вариативным (и более традиционным) оформлением данного высказывания было бы прерывание реплики и помещение комментария отдельным абзацем с последующим возобновлением монолога. Но тогда нарушилось бы интонационное и смысловое единство произносимого. Автору важно подчеркнуть плавное течение речи, непрерывность высказывания и сильное воздействие говорящего с его помощью на слушателей.

В другом примере: *«Ещё бросился в глаза длинный посох, который боярыня сжимала левой рукой. (Левина? Бабы редко бываю.) Посох был чёрный, лаковый, с рукоятью в виде трёх голов Змея Горыныча...»* [2, с. 32] вставная конструкция состоит из двух предложений и представляет небольшой диалог героя (Захарки) с самим собой. Её расположение между другими предложениями способствует изображению писателем мыслительной деятельности персонажа, передаче мгновенной мысли, пришедшей ему в голову во время первой встречи с главной героиней книги. Этот элемент текста характеризует сразу двух героев – и Настасью Каменную, главную героиню романа, которая сыграет в дальнейшем важную роль в жизни Захарки, и самого Захарку – как живого, шустрого, быстро мыслящего персонажа. Выполняется здесь и функция экономии, компрессия, сокращение объёма высказывания с помощью вставной конструкции.

Ещё одной структурной характеристикой вставного элемента является его объём по сравнению с объёмом основной части высказывания. Несомненно, преобладают вставные конструкции меньшего, чем основная часть, объёма: *«Он занимал должность консула Российской империи в городе-порте Йогогама, тёмные же очки носил не из любви к таинственности (которой ему на службе и без того хватало), а по причине хронического конъюнктивита»* [1, с. 175]. Они, как правило, соотносятся с основной частью предложения как один из элементов, который мог бы быть её частью (обособленный или уточняющий член предложения, придаточная часть и под.). Такие вставные конструкции тесно связаны с основным предложением структурно, семантически и интонационно. Несколько иначе функционируют вставные элементы большого объёма, превосходящие по размерам, и иногда значительно, основную часть. Приведём пример, выступающий в тексте как отдельный абзац: *«– Да что вы! – ахнул барон. – Это неслыханно! (Удивление Антона Антоновича понятно, ибо, как уже было сказано, в нашей губернии прямое мздоимство, да ещё со стороны высокого начальства, совершенно отошло в область преданий.)»* [3, с. 161]. Данный вставной элемент вполне мог бы быть оформлен как отдельный абзац. Семантически он при этом не изменился бы; таких целей, как экономия пространства текста, связь компонентов текста и другие, он не выполняет. Его функция гораздо сложнее и тоньше, цель введения в повествование менее явна. Вставное предложение здесь является комментарием реакции губернатора на информацию о взятке, данной одному из главных лиц в его губернии – полицмейстеру. Дело в том, что в любой другой губернии удивление губернатора было бы преувеличенным, и только здесь, в губернии с разумным устройством, так любовно описанным автором, эта реакция уместна. Выделение предложения скобками, отнесение его к вставным элементам заставляет читателя обратить особое внимание на комментарий, вспомнить о том грамотном и целесообразном общественном устройстве, которое начало разрушаться (информация о взятке – признак этого разрушения), возмутиться по этому поводу. Кроме того, здесь, как нам кажется, присутствует также ирония по поводу утопичности описываемой ситуации.

Свободное владение языком, прекрасное знание его ресурсов, а также прочная литературная база способствуют появлению в стилистике Б. Акунина склонности к разнообразным языковым и литературным играм. Исследователи чаще всего рассматривают аллюзии и интертекстуальность произведений писателя как способ языковой игры. Анализ вставных конструкций в языке прозы автора позволяет увидеть, что они тоже нередко становятся средствами языковой игры. К примеру, описывая, как новоявленный дворянин-чиновник любуется собственноручно составленным гербом, Б. Акунин вводит перечисление составных элементов герба и мнение о них чиновника: *«...отец был простым кузнецом (молот), дед – землепашцем (серп), но благодаря усердию (пчёлки) и государевой службе (фуражка) вознесся высоко, в соответствии с заслугами»* [1, с. 11]. Автор словно жонглирует здесь вставочными элементами. Кстати, к вставке отдельных слов писатель обращается крайне редко, чаще всего использует вставные предложения, и краткость этих элементов является здесь дополнительным средством, привлекающим к ним внимание читателя.

Вставочные элементы в тексте служат формированию общего для автора текста и его адресата, читателя, коммуникативного пространства. Вставные предложения создают иллюзию присутствия автора в тексте, его живого общения с читателем. С помощью пояснений, оформленных как вставочные конструкции, Б. Акунин продуцирует иллюзию живой речи, в которую повествователь включает приходящие в голову в момент речи вставки: *«Шкирята, горшенинский приказчик – Каменной он был знаком и прежде – оказался и в самом деле толков»* [2, с. 180]. В отличие от вводных элементов, вставные конструкции очень редко используются в диалогической части повествования. Их основное место – в монологе повествователя: описаниях внешности,

интерьера, местности, в трансляции действий и поступков героев. Именно этим элементам текста недостаёт диалогичности, и они, без применения автором специальных средств, могут стать контрастными к диалогической части повествования, стать менее интересными читателю беллетристической книги, который, как известно, любит пропустить длинные и, с его точки зрения, скучные описания. Вставные конструкции относятся к синтаксическим элементам, вносящим элемент диалога (повествователя с самим собой, рассказчика с читателем и под.) в монологическую часть повествования и привлекающим, таким образом, к ней внимание читателя. Создаётся общее коммуникативное пространство, в котором читатель ощущает себя полноправным членом.

В этом коммуникативном пространстве в тексте Б. Акунина повествователь чаще всего вступает в диалог с самим собой: «*В залу заглянул секретарь, и барон, извинившись, отошел к столу подписать какую-то важную бумагу (собственно, даже известно какую – об освобождении книжной торговли от акцизных сборов)*» [3, с. 42]. В основной части предложения информация подаётся таким образом, что указывать, какую именно бумагу подписывает барон, нет необходимости (речь идёт о другом), однако тут же, в процессе повествования, рассказчику показалось важным назвать эту бумагу. И мы узнаём, что это одна из тех деталей, с помощью которых писатель постепенно изображает на страницах романа полуутопическое устройство Заволжской губернии, основанное на соблюдении основных нравственных законов, гуманизме и разумности.

С помощью вставных конструкций может также создаваться имитация диалога рассказчика с читателем: «*Некоторое время спустя будочник услышал гортанное, клекочущее погикивание явно нехристианского звучания и уже тогда захотел перекреститься, да поленился (добавим от себя, зря)*» [Там же, с. 34]. Вставная конструкция содержит комментарий действий героя, добавочное замечание, которое повествователь доверительно и намекая на некие события, последующие в дальнейшем, сообщает читателю. Такие вставки служат цели заинтересовать читателя, даже заинтриговать его и призвать быть внимательным к тому, что будет описываться далее.

Если вставная конструкция введена в реплику, являющуюся частью диалога (что бывает очень редко), на неё сразу же обращается внимание читателя. Рассмотрим пример из речи Эраста Петровича Фандорина – персонажа, устами которого нередко говорит сам Б. Акунин: «*Ну а про генералов (не примите на свой счет, ваше превосходительство) и говорить нечего: наши жирны и б-безынициативны, японские поджары и нахраписты*» [1, с. 34]. Вставное предложение имеет здесь характер добавочного замечания, является «репликой в сторону», свойственной драматическому тексту. Акцентируется внимание на некоторой театральности речи персонажа, для которого важно произвести впечатление на присутствующих (в том числе генерала), для чего и используются элементы диалога. А ещё создаётся неясное, но вполне отчётливое впечатление, что генерал всё-таки должен принять характеристику Фандорина на свой счёт, несмотря на вставленное замечание, а может быть, даже благодаря ему. Действительно, контекст показывает, что генерал является недалёким человеком, неспособным адекватно оценить сложную ситуацию. Немногом ранее он заявляет на логический аргумент Фандорина: «*Карает нас Господь за грехи наши. Жестоко карает, как египетского фараона, злочудесными напастями. Ей-богу*» [Там же, с. 33].

С помощью вставных конструкций происходит также актуализация того или иного элемента высказывания. Например, в предложении: «*Повернулась к своему письменнику, всё это время смирно стоявшему сзади (Захар про него и забыл)*» [2, с. 35] вставочный компонент вводит в текст одного из героев, некоторое время не упоминаемых в книге. То есть вставные конструкции выполняют текстоорганизующую функцию, служат для создания различных переходов, участвуют в смене аспекта повествования.

В историческом повествовании, которое представлено, в первую очередь, в сборнике «Вдовый плат» [2], у вставных конструкций проявляется ещё одна функция: с их помощью автор вводит в текст исторические справки и комментарии энциклопедического характера: «*Выйдя из приёмной залы (слово немецкое, прижились недавно, в боярских домах теперь для важности так называли все большие горницы), Настасья сразу забыла про бойкого выгодецевского лазутчика*» [Там же, с. 36]. Информативность является одним из важнейших свойств хорошего исторического романа, однако подавать историческую информацию (об устройстве жилищ, одежде, обуви, языке, отношениях между людьми и под.) автору необходимо ненавязчиво, чтобы у читателя не появилось ощущение энциклопедичности текста, не разрушилось столь важное для романа фикциональное начало. Находясь постоянно в поиске адекватных языковых средств для этого, писатель применяет как одно из них вставные предложения. Их свойство вносить в текст разговорный оттенок, диалогичность, непринуждённость делает исторические вставки естественными в общей ткани произведения.

Впрочем, справки и комментарии требуются Б. Акунину в любом из рассматриваемых произведений, так как место и время действия в них каждый раз специфично. В романе «Алмазная колесница» действие второго тома происходит в Японии, и различные элементы японского колорита также нередко вводятся писателем в текст с помощью вставных конструкций, имитируя, к примеру, внутренний диалог персонажа: «*Стало быть, по равнине одиннадцать ри (около сорока верст), да пять ри по горам, соображал Фандорин*» [1, с. 595].

Вставное предложение может использоваться как экспрессивное средство, например, если его эмоциональная окраска контрастирует с эмоциональностью основного предложения: «*Над Блаффом (а казалось, что на краю неба) несколько раз вспыхнула и погасла маленькая синяя звезда*» [Там же, с. 576]. В основном предложении говорится о поданном Фандорину сигнале – сухая и точная информация, не предполагающая экспрессивности. Однако лиричность вставного элемента разрушает стилистику основного предложения и показывает читателю высокую степень волнения героя, не проявляемую внешне. Играет определённую роль в создании эмоциональности данного вставного предложения и вводное слово с семантикой неуверенности в его составе. Это предложение, как нам кажется, – удачный пример языкового воплощения автором характера своего

любимого героя Эраста Петровича Фандорина, не признающего внешних проявлений эмоциональности, но являющегося весьма страстной натурой. Соответствует создаваемый писателем стилистический контраст и японской культуре, которую тонко чувствует и выражает во многих произведениях, в том числе в романе «Алмазная колесница», востоковед Григорий Чхартишвили, скрывающийся под псевдонимом Борис Акунин.

Ещё один пример создания эмоционального контраста с помощью вставочных элементов: *«Мясистая ладонь Сэмуси накрыла чёрный стаканчик, кости звонко защёлкали о бамбуковые стенки (волишебный звук!), и на стол проворно вылетели два кубика, красный и синий»* [Там же, с. 195]. Ситуация здесь аналогична: безэмоциональная основная часть контрастирует с экспрессивностью оценки происходящего, содержащейся во вставном элементе. Автор создаёт с помощью данного приёма, данной детали точный образ персонажа, увлечённого азартными играми. Стилистический и эмоциональный контраст, вносимый с помощью вставных конструкций в текст, обогащает художественную составляющую произведения и усиливает степень его воздействия на читателя.

Эмоции могут передаваться с помощью вставных конструкций и без яркого контраста степени экспрессивности вставной и основной части: *«Боярыня сидела прямо на земле, гладила мёртвого сына по лицу. Оно – вот чудо – не обгорело и было прекрасным, совсем не таким, как при жизни»* [2, с. 203]. Писателю с помощью данной вставки удаётся очень трогательно передать одно из самых сложных для художественного изображения чувств героев – горе матери, потерявшей сына. Читатель ощущает некоторую отстранённость матери, рассматривающей лицо погибшего ребёнка, удивляющейся его красоте, от ситуации; неумение принять её, осознать произошедшее. Это ощущение эмоциональной пустоты, созданное автором, является очень сильным вариантом описания горя, и вставная конструкция в немалой степени этому способствует.

Коснёмся ещё раз вопроса о диалогическом характере, нередко придаваемом тексту с помощью вставной конструкции. В этом случае мы также имеем дело с контрастностью вставного и основного предложений, но контрастностью иного рода – они принадлежат разным говорящим. Например, в предложении: *«Наконец, когда нажал на увесистый том “Священного Писания” (третий слева на предпоследней полке), что-то щёлкнуло»* [1, с. 579] автором основного предложения является повествователь, а вставного – герой, о котором повествуется. Как отмечает М. Н. Крылова, с помощью вставных элементов «Б. Акунин комментирует собственный текст так, словно написан он кем-то другим, в результате создаётся полифония» [16]. Термин «полифония» возник как литературоведческий применительно к жанру романа для обозначения существования в литературном произведении многоголосия – голосов нескольких персонажей и автора (повествователя). М. М. Бахтин писал: «Роман как целое – это многостильное, разноречивое, разноголосое явление. Исследователь сталкивается в нём с несколькими разнородными стилистическими единствами, лежащими иногда в разных языковых планах и подчиняющимися разным стилистическим закономерностям» [6, с. 74]. Мы хотим выделить в цитате классика понятие «языковой план», так как оно показывает, что понятие полифонии предполагает возможность и даже обязательность проявлений разноголосия на языковом уровне. Вставные конструкции выступают в тексте Б. Акунина как один из синтаксических способов создания полифонии.

Вставные конструкции выражают также отношение говорящего или пишущего к сообщаемому в предложении, к новой или фоновой информации. Особенно яркий пример находим в книге «Алмазная колесница», когда будущий начальник Фандорина консул Доронин перечисляет сведения из формуляра подчинённого, сопровождая каждое оценочным комментарием: *«...мальчишка в двадцать два года уже чиновник 9-го класса (знать, чей-нибудь протеже), и что службу начинал в полиции (фи!), и что потом был прикомандирован к Третьему отделению (за какие такие заслуги?), и что прямо с Сан-Стефанских переговоров заремел в захудалое посольство (не иначе на чем-то погорел)»* [1, с. 175]. Целями такого «комментированного» описания становятся и характеристика консула как язвительного и немного завистливого, но порядочного человека, и создание портрета самого Фандорина (вдруг читатель забыл о чём-то, что было в предыдущих романах цикла), и внесение в образ Фандорина комических ноток: читатель должен удивиться, что каждое из в высокой степени порядочных действий Эраста Петровича выглядит спорно на страницах его формуляра.

С помощью вставных предложений происходит одновременно разделение синтаксической конструкции (предложения) и его слияние, так как разделивший высказывание вставной элемент выступает и как объединяющий. Этот парадокс служит организации текста, повышению художественного уровня повествования и в целом обеспечивает выполнение различных целей, которые автор ставит в каждом конкретном случае: повысить диалогичность текста, активизировать внимание читателя, снизить категоричность высказывания и под.

Интересны примеры, в которых сочетается использование автором вводных и вставных конструкций: *«...к осени веснушки спереди почти совсем сошли, но зато они вскарабкались на плечи – очевидно, вследствие занятий плаванием – и, по мнению Полины Андреевны, придавали этой части анатомии сходство с двумя золотистыми апельсинами»* [3, с. 175]. Здесь в пределах одного предложения мы обнаруживаем три элемента рассматриваемого типа – вводное слово, вводное сочетание и вставное сочетание (обстоятельство причины), выделенное знаком «гире», причём одно из вводных слов входит в структуру вставочного элемента. В результате в предложении акцентируется модально-оценочное значение в описании такого нехарактерного для монахини (главной героини произведения) элемента внешности, как веснушки. Автор, как нам кажется, отсылает с помощью данных вводных и вставных компонентов к мнению не только «Полины Андреевны», но и других, многих, людей, пытающихся оправдать наличие столь странного элемента внешности у Пелагии.

Примеры данного типа нередки у Б. Акунина. Рассмотрим ещё один: *«Губернатор же пребывал в неко-любимом (хотя, возможно, и наивном) убеждении, что если зал суда будет являть собой некое подобие*

чистого и прекрасного храма, то и нарушений там будет свершаться куда как меньше» [Там же, с. 249]. Вставная конструкция здесь смягчает (если не сказать более – нивелирует) категоричность высказывания, и вводное слово в её составе ещё более способствует выполнению конструкцией своей функции. В результате образ губернатора приобретает более конкретные, точные черты, кроме того, в описание героя вносится комическая окраска.

Итак, вводные и вставные слова, сочетания и предложения активно используются Б. Акуниным в языке его произведений и играют определённую роль в тексте. Вводные конструкции служат для выражения специфики детективного повествования (имитируют процесс размышления детектива), участвуют в стилизации исторического текста. Вводные слова могут использоваться и в диалоге, и в повествовательных частях текста. Среди них преобладают модальные и эмоциональные единицы, которые наполняют произведения экспрессивностью, служат созданию стихии разговорной речи.

Вставные конструкции структурно отличаются от вводных наличием грамматической связи с основным предложением и расположением по отношению к основной части предложения: они не могут находиться в начале, вставляются в середину или в конец предложения, а также между предложениями. К структурным отличиям относятся также возможность преобладания вставного предложения по объёму над основной частью высказывания.

Вставные конструкции выполняют самые разнообразные функции в тексте произведений Б. Акунина. Они содержат объяснение причин действий или состояний, разъяснения и комментарии, в том числе исторического характера; используются для описания героев, предметов, явлений; выражают оценку событий и героев; передают эмоции, отношение говорящего к сообщаемой в основной части высказывания информации; создают стилистический и эмоциональный контраст; являются способом введения в текст полифонии; служат активизации восприятия читателя; снижают или, наоборот, повышают категоричность высказывания; имитируют процесс размышления сыщика (в повествовании детективного характера); служат целям экономии пространства текста, передавая информацию кратко и точно. С помощью вставных конструкций писателем создаётся общее коммуникативное пространство, в котором повествование приобретает черты диалога рассказчика с самим собой или с читателем. Свойственна вставным конструкциям и текстообразующая, организующая текст функция: актуализация того или иного элемента высказывания, смена аспекта повествования, выделение наиболее важных с точки зрения сюжета моментов повествования.

Богатый структурный, семантический, стилистический, экспрессивный потенциал вводных и вставных конструкций в полной мере реализуется Борисом Акуниным на страницах его произведений. Вводные и вставные конструкции становятся важным элементом авторского стиля писателя.

Список источников

1. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2-х томах в одной книге. М.: Захаров, 2016. 704 с.
2. Акунин Б. Вдовый плат: роман, повесть. М.: АСТ, 2016. 304 с.
3. Акунин Б. Пелагия и белый бульдог: роман. М.: АСТ, 2010. 290 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
5. Баранчикова Л. В. Функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2011. 20 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
7. Белунова Н. И., Черняева А. Б. Особенности функционирования высказываний с вводными словами и вводными конструкциями в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века) // Символ науки. 2016. № 6 (18): в 2-х ч. Ч. 2. С. 66-69.
8. Водясова Л. П. Вводные конструкции как средство реализации связности текста в прозе К. Г. Абрамова // Вестник угоредования. 2014. № 2 (17). С. 8-13.
9. Водяха А. А. Вставная конструкция как средство выражения эмоций // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. 2. С. 41-43.
10. Вороновская И. А. Порядок слов в авторской речи Б. Акунина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2011. Т. 11. № 4. С. 42-45.
11. Гутова Н. В. Роль имен прилагательных в создании портретных характеристик персонажей в творчестве Б. Акунина // Текст как единица филологической интерпретации: сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. / отв. ред. А. А. Курулёнок. Новосибирск: Немо Пресс, 2012. С. 69-73.
12. Кобец Е. В. Рациональные и эмоциональные характеристики публичной речи: к вопросу об использовании вставных и вводных конструкций в политическом дискурсе // Перспективы науки. 2011. № 3 (18). С. 79-87.
13. Кольхалова О. А. Функциональные свойства вводных предикативных единиц в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 21 с.
14. Кольцова Л. М. Язык современного детектива // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: мат.-лы Всерос. науч.-метод. конф. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 1996. С. 93-95.
15. Кручинина И. Н. Вводные слова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 81-82.
16. Крылова М. Н. Пунктуационно-графическое оформление предложения как стилистический приём (на материале детективных романов о Пелагии Бориса Акунина) [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2014. № 6. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/06/817> (дата обращения: 31.01.2017).
17. Крылова М. Н. Синтаксическая стилистика прозы Б. Акунина // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. / Научный центр «Диспут». Вологда: Маркер, 2016. С. 145-146.

18. Кулаковский М. Н. Вводные конструкции как средство создания комического // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 31-35.
19. Панкрашова О. С. Лингвоперсонологический аспект функционирования вводных конструкций // Культура и текст. 2008. № 11. С. 357-368.
20. Пантелеева Е. А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005. 20 с.
21. Плотникова Ю. В., Романова Е. Г. Интертекстуальные игры в последнем романе Б. Акунина об Эрасте Фандорине // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 12. С. 297-300.
22. Прохорова К. В., Аполлонова П. В. Вставные конструкции как средство диалогизации научного текста (на примере научно-учебных текстов) // Основные проблемы гуманитарных наук: сб. научн. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Иннов. центр развития образования и науки, 2015. С. 43-46.
23. Севрюгина Е. В. Присоединение – вводные конструкции – вставные конструкции // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 2. № 4. С. 324-327.
24. Студнева А. И. Наблюдение над семантикой и стилистическим употреблением вводных предложений в прозе А. П. Чехова // Ученые записки Рязанского государственного педагогического университета. 1968. Т. 51. Вып. 1. С. 216-236.
25. Чжэн Г. Многокомпонентное сложное высказывание как компонент текста (на материале романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. 2. С. 195-197.
26. Шигуров В. В., Боярова И. В. Субъективно-модальный потенциал вводных конструкций с деепричастиями в медиатекстах (на материале публицистики начала XXI в.) // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 1. URL: <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=14306> (дата обращения: 28.04.2017).
27. Широкова Е. Н. Авторское тире как средство трансформации структуры и семантики синтаксических единиц // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2014. Т. 13. № 9. С. 93-96.

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF INTRODUCTORY AND INSERTED CONSTRUCTIONS IN B. AKUNIN'S PROSE

Elatik Akhmed Atiyakh, Ph. D. in Philology
Ain-Shams University, Cairo, Egypt
ahmed_atik@yahoo.com

The article analyzes the system of introductory and inserted constructions used by B. Akunin in his literary works. Special attention is paid to the diversity of these syntactic means and their role in the realization of writer's artistic intention. Very diversified are the functions of inserted constructions which concretize the conception of an object, personage, action and serve to transfer expression and evaluation. They actualize the certain element of a statement, save text space. Introductory and inserted constructions also perform the specific for detective genre functions: transfer the detective's mental process, involve the reader into investigation.

Key words and phrases: introductory words; introductory constructions; inserted constructions; syntax; Boris Akunin.

УДК 81'282.8

Предметом данной статьи является креольский язык Республики Кабо-Верде – язык, образовавшийся на основе португальского языка. Автор анализирует такой малоизученный аспект креольского языка кабувердьяну, как орфография. Предпринимается попытка проанализировать, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении источники, этапы становления графической системы креольского языка Кабо-Верде. Автор систематизирует данные об используемых ранее и современных графических системах для отражения креольского языка Кабо-Верде на письме. Для сравнения приводится алфавит португальского языка как языкоосновы кабувердьяну. Выдвигается тезис о гибридности графической системы кабувердьяну, а также делается закономерный вывод о существующей нестабильности орфографии как отражении большой вариативности социолектов креольского языка Кабо-Верде и актуальной языковой ситуации в государстве.

Ключевые слова и фразы: креольский язык; кабувердьяну; орфография; португальский язык; графические системы.

Юнкова Евгения Петровна

Российский университет дружбы народов, г. Москва
evgeniya.yunkova@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИИ КРЕОЛЬСКОГО ЯЗЫКА КАБО-ВЕРДЕ

Введение

Креольские языки – один из самых интересных объектов для изучения с точки зрения не только собственно лингвистики, но и истории, культурологии и других теоретических и прикладных наук. Непосредственным пристальным исследованием креольских и контактных языков, их происхождения и эволюции занимается креолистика, или контактология, зародившаяся в XIX в. и ставшая самостоятельным направлением лингвистики в 50-х годах XX века [3].